

Научная статья
УДК 39 (571)
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Народные знания чукчей

Владимир Викторович ПОДМАСКИН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, podmaskin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мало изученные народные знания чукчей. На их основе обобщается опыт социальной трансформации и потенциал ценностной ориентации в традиционной культуре. Это обстоятельство в значительной мере объясняется теми задачами, которые поставлены перед этнологической наукой по изучению и сохранению функционирующих, имеющих общечеловеческую значимость духовных ценностей, сформированных на основе взаимодействия человека с определённой средой обитания. Показана историческая динамика антропогенных систем жизнеобеспечения. Выявляются векторы репродуктивных показателей в сфере народной культуры. С позиций интегративно-антропологического подхода в народных знаниях чукчей проявляются признаки компонентов этнокультур Северо-Востока Азии, что важно для решения сложных проблем этногенеза и этнической истории.

Ключевые слова: чукчи, знания о пространстве и времени, знания о фауне и флоре, народная медицина, Северо-Восток Азии

Для цитирования: Подмаскин В.В. Народные знания чукчей // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 27–37. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Original article
DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Folk knowledge of the Chukchi

Vladimir V. PODMASKIN

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, podmaskin@yandex.ru

Abstract. The article examines the little-studied folk knowledge of the Chukchi. On their basis, the experience of social transformation and the potential of value orientation in traditional culture are summarized. This circumstance is largely explained by the tasks assigned to ethnological science for the study and preservation of functioning, having universal significance, spiritual values formed on the basis of human interaction with a certain habitat. The historical dynamics of anthropogenic life support systems is shown. The vectors of reproductive indicators in the sphere of folk culture are revealed. From the standpoint of the integrative-anthropological approach, the Chukchi folk knowledge shows signs of components of the ethnocultures of Northeast Asia, which is important for solving complex problems of ethnogenesis and ethnic history.

Keywords: Chukchi, knowledge about space and time, knowledge about fauna and flora, folk medicine, Northeast Asia

For citation: Podmaskin V.V. Folk knowledge of the Chukchi // Oriental Institute Journal. 2022. № 1. P. 27–37. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/27-37

Введение

Чукчи являются потомками одного разросшегося племени, близкородственно-горякам. В начале второго тысячелетия нашей эры они стали оседать на побережье Берингова моря и Ледовитого океана и осваивать морской зверобойный промысел, сочетая его с охотой на диких оленей. С этого времени чукчи вступили в тесный контакт с эскимосами. Народные знания этноса представляют собой сложный комплекс положительного опыта и иррациональных представлений об окружающем мире. Накопление знаний шло через известное к неизвестному на сенсорном уровне: всё обозревалось, обнюхивалось, ощупывалось, пробовалось на вкус, затем строились логические связи. Научного понимания законов природы

и общества у чукчей не было. Хозяйство чукчей в основном было натуральным, производимые продукты потреблялись внутри патриархальной общины. Производство средств к существованию строго регламентировалось сезонными изменениями природы как у оленеводов, так и у оседлых зверобоев. Практически весь год был наполнен заботами о промысле, выпасе оленей, по изготовлению одежды и обуви, в поддержании в порядке жилища, создании необходимых запасов жира для отопления и освещения жилой части яранги и т. д. Экономическая и общественная жизнь проходила внутри селения.

Знания о пространстве и времени. Ещё в XIX–XX вв. у чукчей, как и у коренных народов Северо-Востока Азии, господствовали мифологические объяснения мироздания. Мифы о творении мира не выходили за рамки обыденных знаний природной обстановки северных широт. Первоначальные занятия и быт представлялись в виде жизни полярных охотников на диких оленей. Мифы, содержащие сведения о жизни на побережье океана, о морской фауне, – явление более позднее, связанное с переходом чукчей к морскому зверобойному промыслу.

В чукотских мифах фигурирует Тынантомны (Творец) [28, с. 184–185]. Этот культурный герой не имел детальных характеристик, но представлялся добродушным, хорошо относящимся к плодам своего творения – людям. Жил он в Зените – Гынонканоургын. Небесный свод, по представлениям чукчей, имел сферическую форму подобно яранге, в верхней части которой имелось сквозное отверстие *рыноургын*, через него видно небо с его светилами. Высшей точкой небосвода считалась Полярная звезда (Унпэнгэр) как местопребывание Творца.

Каменные глыбы, разбросанные по тундре, в прошлом чукчи считали существами живыми и впоследствии обращённые Творцом в камень [5, с. 7]. Поэтому широко распространены имена Выквов (муж.) и Выквына (жен.) – от *выквын* – "камень" [13, с. 47].

Рассматривая космогонические идеи и пространственные концепции чукчей, прослеживается связь с представлениями о структуре Вселенной и отдельных её частях. Например, *уттэгын* – "край лесов, лесотундра"; *нутэтэгын* – "предел земли, граница". В.Г. Богораз определяет *-тэгын* как "суффикс, означающий: край, мера, предел" [1, с. 142]. Но возможно, что в прошлом, как считает А.Н. Жукова, "такое представление восходило к значимой основе, очевидно полисемантической, употреблявшейся для обозначения времени и пространства" [13, с.51]. Нерасчлennым понятием в сознании чукчей являлось слово *нутэнут* – "земля, страна, тундра".

Морские зверобои, которым приходилось уходить далеко от берега, до сих пор пользуются приёмами определения возможного характера и направления ветра, знают состояния движения льда и способы ориентации в пространстве, выработанные издавна.

Чукчи были знакомы с созвездиями и их расположением по отношению к горизонту в различные моменты суток и года. Небесные светила служили ориентирами, позволяющими находить стороны горизонта в незнакомой местности и приблизительно определять время. По сообщению В.Г. Богораза, чукчи настолько хорошо разбирались в звёздном небе, что "даже различали особо движение планет, называя их поперечно ходящими звёздами" [6, с. 29]. Они знали также, что Полярная звезда неподвижна. По ней и окружающим её созвездиям они определяли части света, эмпирически различали и выделяли свыше двадцати направлений компаса, каждому из которых соответствовало определённое положение солнца во время дня [5, с. 21].

В названиях созвездий и звёзд отразились особенности занятий, быта, социальных институтов и связей. Так, у чукчей звёзды Янотлявыт "Передняя голова" – Арктур и Яалляут "Задняя голова" – Вега характеризуют военную организацию кочевников и составляют созвездие Ангарочоттэ "Вожди", "Предводители звёзд". Представление о Млечном Пути "Песчаная река" связано с *увиритти* одинокими женщинами, не имевших мужей, которые при жизни должны были заботиться сами о себе, и после смерти живут "ловя петлями и сетями диких оленей в то время, когда они переходят "Песчаную реку" [5, с. 24, 44].

Многие явления природы чукчи объясняли при помощи мифологии. Они создали художественное повествование о месяце, который будто бы хотел похитить девушку-чукчанку, но ему не удалось, и он вынужден был в дар за своё освобождение создать для людей времена года. Полярная звезда для них – пастух оленей. Орион изображает погоню ламута (эвена) за тремя оленями. Плеяды – красавица Юргалы; северное сияние – небесные огни костров, которые разводят великаны, обитающие на далёких островах в Ледовитом океане; утренняя заря – это пробуждение дочери солнца, длинноволосой красавицы Юрюнг Удаган [31, с. 19].

Чукчи до мельчайших подробностей знали свой традиционный район промысла, особенно климатические условия на суше и на море, морские течения, географические ориентиры [24, с. 50]. Зимой они ориентировались на местности по направлению ветра, расположению снежных надувов (застрогов).

У чукчей давно сложилась система мер и весов. Им известны простые понятия и операции, такие как число, счёт, запись нумерации. В крупных расчётах чукчи использовали двадцатки – число пальцев на руках и ногах одного человека. Пять человек составляли число 100. Числительные разделялись на простые: *ыннэн* "один", *нгирэк* "два", *нгырок* "три", *нгырак* "четыре", *мытлынгэн* "пять", *мынгыткэн* "десять", *кылгынкэн* "пятнадцать", *кликкин* "двадцать"; сложные: *ыннанмытлынгэн* "шесть" (букв. "один + пять", *нгэръамытлынгэн* "семь" (букв. "два + пять"), *нгырôмытлынгэн* "восемь" (букв. "три + пять"), *нгирэккликкин* сорок ("два по двадцать"), *нгырокклеккэн* "шестьдесят" ("три по двадцать"); составные: *мынгыткэныннэнпарол* "одиннадцать" (букв. "десять, один лишку") и т. п. [30, с. 259–260]. Так чукчи могли считать в пределах 1000 безошибочно, хотя и довольно долго.

В совершенстве чукчи знали годовой цикл явлений природы, так как с ним был связан сезонно-хозяйственный календарь. Оленеводы, например, различали, начиная с зимнего солнцестояния, следующие месяцы: 1-й – "месяц упрямого старого быка", 2-й – "месяц зябнущего вымени", 3-й – "месяц обнажённого вымени", 4-й – "месяц рождения телят", 5-й – "месяц вод", 6-й – "месяц появления листьев", 7-й – "тёплый месяц", 8-й – "месяц обдирания рогов", 9-й – "месяц заморозков", 10-й – "осенний месяц", 11-й – "месяц узкого мяса", 12-й – "месяц сужения дней" [2, с. 42].

Многим коренным народам Дальнего Востока был знаком лунный календарь, основанный на наблюдениях за фазами луны, более древний, чем солнечный. Время от одного новолуния до другого называлось у чукчей, как и сама Луна, *тактук*. Ряд месяцев начинался с зимнего солнцестояния, время которого отмечалось с особой точностью [17, с. 94].

Чукчи накопили географические знания, связанные с умением ориентироваться на местности. Течение рек, расположение озёр, побережья морей, направление ветра и морских течений – все эти природные факторы наряду с астрономическими явлениями (движением солнца и звёзд) помогали охотникам и оленеводам ориентироваться в пространстве.

Большинство географических названий на Чукотке – это слова, возникшие тысячи лет тому назад, они закрепились в современных топонимах [24, с. 9–18, 55–63; 20, с. 24–40]. Например, река Алыкатваам – от чукотского *элкэтвээм* – "полноводная река", посёлок Апапельгино – предположительно от чукотского *апаапэлгын* – "паучья горловина", посёлок Валькумей – от чукотского *вылкыкэй* – "угольная гора", посёлок Ваеги – от чукотского *вааргын* – "тренога", река Кэпэрвеем переводится как "росомашья река", озеро Эльгыгытгын – от чукотского *элгыгытгын* – "белое озеро", полуостров Тайгонос – от чукотско-корякского *тайнынот* – "запретная, греховная земля" (такое название, возможно, связано с эпидемией или стихийными бедствиями), гора Чевтътытгым – "головные кости", вероятно, как свидетельство военных столкновений [20, с. 350; 24, с. 24–40].

Топонимика побережья Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Говена на современной карте имеет древне-корякско-чукотскую основу [21, с. 81]. Большой интерес представляет распространение географических чукотско-корякских номенклатурных терминов *пилгын* "горловина" и *кагыйнын* "устье".

Лексико-семантический состав чукотских топонимов отразил географические свойства окружающей среды и историко-этнографические сведения о жизни предков чукчей в прошлом. Самой многочисленной являются группы географических названий, которые обозначают почти все разновидности географических объектов. Они достаточно разнообразны, отражают гидронимические особенности, горный рельеф, неровность местности, запретные зоны охоты, различные препятствия и т.д. Они сохранились в основном в микропонимах и связаны с хозяйственной деятельностью: с местами охоты и рыболовства, реже с оленеводством.

Чукчи, не имея письменности, давно изобрели картинное письмо. Это письмо состояло из ряда охотничьих и бытовых сцен, предметных рисунков, которые изображались на досках и кости. Археолог Н.Н. Диков, анализируя петроглифы Чукотки, обнаружил сюжеты морской охоты и охоты на дикого оленя и пришёл к выводу, что "авторами этих петроглифов были древние предки чукчей и эскимосов" [11, с. 54]. Как у азиатских эскимосов, у чукчей также была распространена татуировка. Знаками татуировки стали: китовые хвосты, рисунки Солнца и Луны, изображающие человека. По мнению В.Г. Богораза, чукчи наносили себе знак, изображающий фигурки людей как символ убитых ими врагов. Тем самым они стремились как бы превратить врага в своего помощника или сделать его частью своего собственного существа [5, с. 50].

Знания о фауне. Природа, по древним представлениям чукчей, обладала качеством и свойством. Ценились рациональные знания о домашнем олене, промысловых животных и рыбах; эти знания помогали успешно добыть зверя на охоте, поймать рыбу в реках и море, лечить людей, воспитывать подрастающее поколение и т.д. Чукчи хорошо знали особенности поведения промысловых животных, их повадки, сезоны появления (периоды миграции), размножения и т. п. В этом проявилась острая наблюдательность чукчей и их соседей (эскимосов, коряков, юкагиров) [8, с. 227].

Для чукотского языка характерна богатая лексика по оленеводству, морскому зверобойному промыслу и влияющим на них явлениям природы (детальность в названиях мастей, половозрастных различий) [30, с. 269]. Заимствования из эскимосского языка, как правило, относятся к морскому зверобойному промыслу.

В процессе охоты накапливались знания о животном мире. Из поколения в поколение передавались наблюдения о повадках животных, птиц и рыб, лучшие способы охоты, техника изготовления орудий лова. Чукчи заметили места, где обычно водится зверь, в приметах предвидели изменения погоды, умели читать следы и т.д. Наблюдательность и навыки давали возможность охотникам успешно вести промысел.

Огромные богатства ихтиофауны Чукотки определили знания о рыболовстве. Чукчи выработали специфические орудия и способы ловли рыбы и её обработки. Они бережно относились к природным богатствам. Добывали только необходимое для семьи количество рыбы, соблюдали сроки охоты и рыболовства. Большинство приморских селений размещалось в промысловых районах с благоприятными условиями для рыбной ловли [24, с. 33, 36, 96]. Следует отметить, что чукотская хозяйственная практика в большей степени ориентировалась на комплексное использование природных ресурсов.

Охотское и Берингово моря богаты морским зверем. В языке приморских чукчей зафиксировано несколько половозрастных видов ластоногих: *уньэллахтак* – "двухлетний самец лахтака", *мемель* – "четырёхлетняя ларга", *кедлиндлин* – "четырёхлетняя акиба", *рырык* – "взрослый морж". Обнаружено сходство чукотских названий морских зверей у эскимосов и коряков [7, с.241]. Охота на морских животных (китов, моржей, нерп) практиковалась с древних времён с помощью гарпуна с листовидным наконечником и длинным древком. Материалом для гарпунных наконечников служили кость или железо; в качестве вкладыша использовались китовый ус, кость, камень, железо, медь. Охота на тюленей проводилась с маскировкой. Охотник надевал на голову, снятую целиком шкуру, ползком, подражая движениям животного, приближался к зверю [14, с. 63].

При охоте на моржа по воде хлопали специальными пластинками из китового уха. Звуки от удара напоминали сигналы, издаваемые касатками во время нападения на моржей. Моржи готовились к отражению атаки и опускали головы в воду. Охотники же тем временем подгребали к стаду на близкое расстояние. Хлопушки использовались для охоты на моржа отгоном. Моржи добывались осенью на лежбищах. На нерпу охотились на припае у лунок. Добычу доставали крюком на длинном древке. Промысел крупных морских млекопитающих носил коллективный характер [25, с.182, 189]. Все приёмы морской охоты основывались на прекрасном знании биологии и особенностей поведения животных. Например, при зимнем промысле нерпы учитывали, что она всегда держится у берега под припайным льдом, как бы широк он не был. Охотники определяли присутствие зверя в том или ином месте не только по лункам, но и по гряде торос льда. Участки чистой воды находили по тёмному отсвету на облачном небе и по интенсивному парообразованию над ним [4, с. 21].

Чукчи научились изготавливать одежду из тюленьих и оленьих шкур, кишок моржа [27, с. 908, 911]. Технологические приёмы чукотских умельцев достигли высокого мастерства. Они умели выделывать кожи, замшу, меха, дубить шкуры, делать невод из оленьих жил [31, с. 36]. Жилища отапливались и освещались жирниками, которые изготовлялись из камня, глины, кости. В качестве топлива использовался жир морских животных. Сравнительный анализ технического устройства чукотских и эскимосских жировых ламп, ареалов их распространения, природно-климатических факторов позволяет предположить, что первые жировые лампы появились в среде охотников на морского зверя [10, с. 125].

Юагиры, коряки и чукчи хорошо знали пути миграции диких оленей, сроки начала и конца оленьего хода, места переправы животных. Охотник мог по следу дикого зверя определить его возраст и примерное местонахождение в данный момент [26, с. 124].

Многовековая практика выработала правила ухода за домашними оленями. Пастухи умело выбирали пастбища, защищённые от ветра и богатые мхом. Во время отёла, стадо разделялось на две половины – плодовое и неплодовое. В течение многих веков ими была выведена уникальная порода северного оленя *льгек, ор*. Это животное отличалось исключительной приспособленностью к суровым условиям тундры. Оно может жить без богатых ягельных кормов и способно быстро набирать вес и жизненные силы в течение короткого северного лета на долгий зимний период [3, с. 9–16]. Чукчи различали оленей по полу, возрасту, масти, форме рогов, по меткам на ушах, повадкам [15, с. 32–34]. Как отметили исследователи, у них сложилась стройная система, при помощи которой оленеводы, "как бы "читая" стадо, запоминали каждого оленя", помнили оленей нескольких поколений. Такая память была необходима для селекционной работы, ибо давала возможность выделять генеалогические линии наиболее крупных, сильных и жизнеспособных животных [16, с. 127]. Оленеводческая культура чукотского народа развивалась в гармонической системе взаимного приспособления человека и оленя к экстремальным условиям Арктики, в глубоком знании особенностей друг друга и даже – во взаимозависимости.

Большое значение в жизни чукчей имела собака. Оседлые чукчи использовали упряжки собак в нартах для перевозки людей и грузов, ведения байдар на бечеве вдоль берега моря. Чукчи, вероятно, позаимствовали у эскимосов веерный тип упряжки [26, с. 100]. Оленеводы не знали пастушеских лаек [14, с. 58]. Собак разводили для охоты, кормом для них служила юкола и китовое мясо. Клички животным давали по масти: Серый Волк, Чёрный, Белая Лисица [3, с. 39]. С собакой был связан ряд религиозных представлений. Одно из них говорит о том, что "новопришелец в царство мёртвых, прежде всего, должен пройти через особый собачий мир" [5, с. 45]. Широко распространены личные имена, производные от *ыттыбын* (собака). Наличие личных имён, связанных с названиями животных, объясняется, очевидно, тем, что в обществе, дающем эти имена, имеется особое представление о каждом из животных [13, с. 48].

Знания о флоре. Арктические народы имели развитую систему знаний о видах и свойствах местной флоры, умели найти необходимые растения, знали время собирания их. Чукчи и эскимосы употребляли в пищу более 30 видов дикорастущих растений [23, с. 92]. В пищу шли листья карликовой ивы, дикого щавеля и различные съедобные корни, которые заготавливались обычно впрок. Приморские чукчи листья и травы квасили. Например, свежие листья камнеломки Нельсона клали в жир, сохраняли их на зиму, использовали как приправу к мясу. Эта трава служила хорошим кормом для оленей. Все виды камнеломки, употребляемые в пищу, чукчи называли *ампъук`ирак`* [18, с. 142].

Летом пищей служили морские водоросли с жиром. Весной до цветения собирали толстые, сочные листья розовой родиолы *юнеут*. Молодые побеги квасили и употребляли в пищу, добавляя моржовый и нерпичий жир. Осенью и весной собирали корни иван-чая *вывтыльгын* [18, с. 135, 138]. Лакомым блюдом считались "колобки", приготовляемые из толчёных корней, смешанных с мясом и жиром [27, с. 908]. Корякам и чукчам хорошо известны кормовые растения для оленей [8, с. 227]. Чукчи отметили, что в зимнее время основой питания для лосей, зайцев и куропаток служила ива. Листьями её набивали мешки из тюленьих шкур, квашенный силос употребляли в пищу [18, с. 123, 124].

Эскимосы и чукчи использовали в пищу свежесобранные белые цветы дриады точечной (*Dryaspunctate*) с мясом, жиром. Чукчи называют дриаду, или куропаточью траву, *ульпихтак*. У неё съедобные бутоны, цветки, молодые листья, семена. Люди давно заметили, что зобы куропаток заполнены листьями дриады и почками ив; эта сырая снедь употреблялась в пищу. Как показал химический анализ, в семенах, листьях и цветах дриады содержатся сахара и жирные масла [18, с. 133].

Настои из ольховой коры применяли для окраски оленьих шкур. Окрашивание делает кожу мягче, защищает от сырости значительно лучше, чем кожа с неокрашенной внутренней стороной. Неоднократно отмечалось, что оленьи шкуры чукотской выделки отвечают отчасти требованиям современной техники дубления. По данным 1756 г., чукчи знали свойства яда аконита, смазывая им наконечники боевых стрел [3, с. 208].

Чукчи изобрели деревянные приборы для добывания огня путём сверления. Дополнительным средством служило лучковое сверло, состоявшее из деревянного стержня и небольшого лука с кожаной тетивой и деревянной или костяной накладкой. Огонь добывали трением стержня, который вращали в ямке-углублении с помощью лучка, придерживая стержень сверху накладкой. В углубление клали сухой мох, древесный уголь или вываренный и высушенный древесный гриб [33, с. 106]. При добывании огня использовали серу, так как она воспринимала малейшую огненную искру [3, с. 168].

Народная медицина. Коренные народы Северо-Восточной Азии – представители арктической цивилизации, которая характеризуется способностью быстро приспосабливаться к меняющимся климатическим условиям, переходя от морского к сухопутному типу хозяйствования и наоборот. Традиционное питание чукчей – мясное. Запасы мяса (нерпы, моржа) держали в ямах, где оно квасилось. Такое мясо оседлые чукчи употребляли в пищу. Соль в блюда не добавляли. Тем не менее, по замечанию врача Н.В. Кирилова, "мясной рацион питания влечёт за собой антропологические отличия оседлых туземцев от кочевых: они рослее и крепче физически" [32, с.119–120].

Самым надёжным и любимым продуктом на промысле и в пути была заготовленная впрок лососёвая икра. Её сушили на воздухе связками или в пустотелых стеблях борщевика у костра. Как правило, эту икру ели с корой берёзы или ивы. А ещё икру квасили в яме, устланной и покрытой травой, или в кожаных мешках. Вместо соски малышам, не имевшим зубов, давали в рот мешочек с икрой. Ягоды местных растений, таких как воронья морошка, голубица, рябина и пр., перед употреблением в пищу, смешивали с нерпичьим жиром. Лакомством считалась снедь, извлечённая из желудка добытого оленя [3, с. 130].

В практике чукотской народной медицины бытовали различные подходы к оценке и причин заболеваний и выбору лечения. Чукчи не знали научных приёмов диагностики внутренних заболеваний, поэтому болезни внутренних органов, острых простудных заболеваний, общее недомогание объясняли действием вредоносных существ *лыгикэльэйт* (*кэле* у чукчей – безобразный злой дух, охотящийся за душами людей и напускающий на них болезни), с которыми призывали шаманов вести борьбу. Косвенное подтверждение правильности своих выводов они находили при вскрытии покойников, когда обнаруживали повреждённые болезнью лёгкие, печень и другие органы. Боле эффективно они лечили травмы, порезы и другие механические повреждения. Их смазывали тюленьим жиром или присыпали золой и бинтовали, прикладывали заячью шкуру мездровой стороной к ране и этим достигали заживления ран. Гнойные нарывы вскрывали ножом. На переломы конечностей накладывали деревянные лубки или обкладывали палками, затем прочно всё обвязывали ремнями [29, с. 179]. По их представлениям, связывание суставов определённым образом придаёт силы больному для быстрого выздоровления, поэтому в зависимости от способа связывания можно помочь или навредить здоровью человека [9, с. 193].

Врач Н.В. Слюнин, изучая народную медицину чукчей, отметил что они выделяли внутренние и женские болезни, язвы и нарывы и так называемые "русские болезни" *нэйучалыэллер* – "сифилис и оспу", а также психическую болезнь *эмеряк*. Характеризуется как арктическая истерия, встречается практически у всех народов Северо-Восточной Сибири и даже в Забайкалье [31, с. 35].

В условиях кочевого образа жизни, традиционное жилище чукчей плохо сохраняло тепло. Когда горел очаг, температура была высокой. Ночью жилище не отапливалось, становилось холодно, как снаружи. Сырость, дым от костра, чрезвычайная скученность приводили к различным заболеваниям. Для освещения и отопления жгли ворвань в плошках. Воздействие продуктов сгорания жира способствовало развитию глазных болезней. Многие люди страдали хроническим воспалением век. Обычай спать без одежды вповалку всей семьей, а иногда вместе с любимой собакой способствовал передаче кожных болезней. Традиционная одежда чукчей, коряков и эскимосов, как правило, была мало гигиеничной, стирке не подлежала, быстро загрязнялась [32, с. 118–119].

Весной, в период "сияния снегов", чукчей подстерегала опасность снежной слепоты. Для защиты глаз от весеннего катара, при полном отсутствии медицинской помощи, оленеводы применяли очки с двумя узкими прорезями. "Снежные очки" использовали многие народы Северо-Восточной Азии и Северной Америки [22, с. 103].

Для чукчей характерны древние анимистические воззрения. Они верили, что мир населён духами гор, лесов, морей, рек, озёр, болот, тундры. Кроме постоянных духов были временные – души блуждающих умерших, опасных для здоровья живых людей: уходя в мир иной, они могли унести с собой душу живого человека. Считалось, что духи – активная сила, причиняющая людям как добро, так и зло (например, болезнь). Общаться с духами могли только шаманы. Они занимались изгнанием духов болезней с помощью камланий [9, с. 181]. Чукчи меняли имя человека во время его болезни. Вероятно, это связано "с защитными поверьями" [13, с. 47]. Процветали первобытные нравы: многоженство, предоставление жены по праву гостеприимства, добровольная смерть стариков.

При малокровии и общей слабости чукчи и коряки пили свежую кровь оленей, тюленей и забитых домашних животных. Часто для этих же целей чукчи употребляли и сырую печень. Для лечения туберкулёза специально откармливали щенков собак, а затем их жир с пищей применяли внутрь. Гусиный жир использовали в качестве мази при обморожении, медвежьей желчь, растворённую в воде, принимали при болезнях печени и желудочно-кишечного тракта [29, с. 188].

Широко использовали лекарства растительного происхождения. Знахари умели готовить из трав *вбаглингын* – всевозможные лекарства и мази. Ежедневно протирали своё тело мхом, он же служил гигиеническим средством для женщин и

мытья посуды. Сухую осоку применяли для стелек в обувь. Эта трава предохраняла ноги от стирания, ушибов и грибковых заболеваний. Раны у человека и домашних животных зашивали и замазывали пихтовой смолой. В народной медицине, как хорошее обезболивающее средство, использовали грибы мухоморы. Древние человекоподобные изображения грибов-мухоморов, имеющих только в чукотском языке особые названия для различных стадий развития мухоморов, обнаружил археолог Н.Н. Диков на пегтымельских петроглифах Чукотки [11, с. 64].

Из растительных средств врачевания врач Н.В. Слюнин выделил девясил, который употребляли при внутренних заболеваниях, "денежную траву" – при женских заболеваниях, "шаламейник" применялся при ожогах и ознобе. Труха гнилого дерева служила хорошим "перевязочным" материалом при лечении ран [31, с. 29].

Значительное место в народной медицине чукчей занимала физиотерапия: при заболеваниях костей, судороге мышц, головных болях делали массаж; в фольклоре упоминается такое средство, как натирание тела охрой. Большую роль в сохранении здоровья играла любовь к различным физическим упражнениям. Национальная борьба, лыжный спорт, массовые игры и танцы на свежем воздухе способствовали физической закалке молодого поколения [3, с. 197–208; 12, с. 51–90; 19, с. 7–20]. В.Г. Богораз отмечал, что "все благодарственные праздники чукчей, устраивавшиеся по случаю добычи дикого оленя, россомахи, тюленя и др., сопровождаются плясками; по верованиям чукчей, во время пляски с тел пляшущих стряхиваются болезни и злые духи" [5, с. 97]. Эти практики имели положительное обоснование в условиях традиционного кочевого быта.

Итак, на протяжении веков у чукчей были выработаны своеобразные лечебные методы, имеющие рациональные объяснения, различные магические церемонии, обряды, предохранительные меры и обереги, признанные обеспечить здоровье и благополучие потомства.

Таким образом, народные знания чукчей обеспечили стабильность функционирования специфического хозяйства пеших охотников, морских зверобоев и оленеводов. Многовековой опыт, накопленный чукчами в хозяйственном освоении тундры и прибрежной морской акватории, оказался достаточно жизнестойкими, имел значительную практическую значимость в освоении Арктики. Чукчи издавна владели довольно обширными сведениями о жизни местных животных и растений, о фенологических явлениях, региональной географии, народной медицине и кулинарии. У них до сих пор популярен сезонно-хозяйственный календарь, способствующий устойчивому развитию экономики в суровых арктических условиях. Народные знания чукчей являлись результатом как собственного познания действительности, так и опыта соседних народов (коряков, эскимосов, юкагиров). Положительный опыт ведения специфического хозяйства не исчерпал себя и в настоящее время. Стойкими остаются ценные традиционные знания о местной фауне и флоре, приметах погоды, народной педагогике. Весьма важно, чтобы этот опыт не был утерян, чтобы традиционное промысловое и оленеводческое хозяйство развивались.

Литература

1. Богораз В.Г. Лоураветланско-русский словарь. М.; Л., 1937. XXXIX+165 с.
2. Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора // Труды якутской экспедиции. СПб., 1900. Отд. 3. Т. 2. 353 с.
3. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. Послесл. и примеч. И.С. Вдовина. Авториз. пер. с англ. М.: Наука, 1991. 224 с.
4. Богораз В.Г. Чукчи. Социальная организация. Л., 1934. Ч. 2. 192 с.
5. Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Религия. Авториз. пер. с англ. Л.: НИИИНС ЦИК СССР, 1939. Ч. 2. 195 с.
6. Богораз В.Г. Эйнштейн и религия. М., 1923. 112 с.
7. Бурькин А.А. Чукотский язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 238–249.
8. Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX– начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 217–253.
9. Вдовин И.С. Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 178–217.
10. Гуцол Н.Н. Чукотские жировые лампы // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. С. 120–126.
11. Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 131 с.
12. Жорницкая М.Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1983. 151 с.
13. Жукова А.Н. Этимология некоторых личных имён чукчей // Этнография имён. М.: Наука, 1971. С. 44–53.
14. История и культура чукчей: историко-этнографические очерки / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1987. 286 с.
15. Кись Р.Я., Лебедев В.В. Некоторые аспекты изучения традиционного оленеводства чукчей // Полевые исследования Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1978. / Отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1980. С. 120–127.
16. Куликова И.В. Лексико-семантические группы названий оленя в чукотском языке // Вопросы лексики и грамматики языков народов Крайнего Севера СССР: Сб. статей / Отв. ред. Ю.А. Сем. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1983. С. 32–42.
17. Лебедева Ж.К. Чукотский календарь // Полярная звезда. 1984. № 4. С. 94–96.
18. Леонова А.В. Этноботанические сведения о растениях, употребляемых в пищу коренными народами Севера // Краеведческие записки. ГБУК "Магаданский областной краеведческий музей" / Отв. ред. А.А. Орехов. Вып. 21. СПб.: Кордис, 2019. С. 123–150.
19. Леонтьев В.В. Самый сильный, самый ловкий: о чукот.-эскимос. спорт. играх. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 32 с.
20. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / Науч. ред. Г.А. Меновщиков. Магадан: Кн. изд-во, 1989. 456 с.
21. Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. М.: Наука, 1983. 130 с.
22. Мельникова Т.В. "Снежные очки" аборигенов Дальнего Востока России // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятое крушановские чтения, 2006 г.) : в 2-х томах. Владивосток: Дальнаука. 2008. Т. 1. С. 100–104.
23. Меновщиков Г.А. Дикие растения в рационе коренных жителей Чукотки // Советская этнография. 1974. № 2. С.92–99.
24. Меновщиков Г.А. Местные названия на карте Чукотки: Краткий топонимический словарь / Науч. ред. В.В. Леонтьев. Магадан: Кн. изд-во, 1972. 207 с.
25. Михайлова Е.А. Место традиций в хозяйственной деятельности морских зверобоев севера Дальнего Востока // Культурные традиции народов Сибири / Отв. ред. Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1986. С. 178–200.
26. Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1985. 240 с.
27. Народы Сибири. Этнографические очерки/ Под редакцией М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.
28. Подмаскин В.В. Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2013. 248 с.
29. Подмаскин В.В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII–XX вв.) / Науч. ред. В.Л. Ларин Владивосток, 2011. 304 с.
30. Скорик П. Я. Чукотский язык // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки: в 5-ти томах. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 248–270.

31. Слюнин Н.В. Среди чукчей // *Землеведение*. М., 1885. Вып. 4. С. 1–46.
32. Тарасенко Д.Б. Этнографические наблюдения Н.В. Кирилова на Чукотке и Аляске (1905 г., по материалам РГИА ДВ) // *Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций* (Пятое крушановское чтения, 2006 г.): в 2-х томах. Владивосток: Дальнаука. 2008. Т. 1. С. 116–124.
33. Хаховская Л.Н. Роль огнивых досок в хозяйственной адаптации северо-восточных палеоазиатов // *Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций* (Пятое крушановское чтения, 2006 г.): в 2-х томах. Владивосток: Дальнаука. 2008. Т. 1. С. 104–109.

References

1. Bogoraz V.G. *Louravetlansko-russkij slovar'*. M.; L., 1937. КХКХКНХХ+165 s.
2. Bogoraz V.G. *Materialy po izucheniyu chukotskogo yazyka i fol'klora* // *Trudy yakutskoj ehkspeditsii*. SPb., 1900. Otd. 3. T. 2. 353 s.
3. Bogoraz V.G. *Material'naya kul'tura chukchej*. Poslesl. i primech. I.S. Vdovina. Avtoriz. per. s angl. M.: Nauka, 1991. 224 s.
4. Bogoraz V.G. *CHukchi*. Sotsial'naya organizatsiya. L., 1934. CH. 2. 192 s.
5. Bogoraz-Tan V.G. *CHukchi*. Religiya. Avtoriz. per. s angl. L.: NIAINS TSIK SSSR, 1939. CH. 2. 195 s.
6. Bogoraz V.G. *EHjnshtejn i religiya*. M., 1923. 112 s.
7. Burykin A.A. *CHukotskij yazyk* // *Yazyki narodov Rossii*. Krasnaya kniga. EHntsiklopedicheskij slovar'-spravochnik. M.: Academia, 2002. S. 238–249.
8. Vdovin I.S. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh chukchej* // *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* (vtoraya polovina XIX– nachalo KHKH v.). L.: Nauka, 1976. S. 217–253.
9. Vdovin I.S. *CHukotskie shamany i ikh sotsial'nye funktsii* // *Problemy istorii obshhestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri*. L.: Nauka, 1981. S. 178–217.
10. Gutsol N.N. *CHukotskie zhirovye lampy* // *Kul'tura narodov Dal'nego Vostoka: traditsii i sovremennost'*. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1984. S. 120–126.
11. Dikov N.N. *Naskal'nye zagadki drevnej CHukotki: Petroglify Pegtymelya*. M.: Nauka, 1971. 131 s.
12. ZHornitskaya M.YA. *Narodnoe khoreograficheskoe iskusstvo korenного naseleniya Severo-Vostoka Sibiri* / *Otv. red. I.S. Gurvich*. M.: Nauka, 1983. 151 s.
13. ZHukova A.N. *Ehtimologiya nekotorykh lichnykh imyon chukchej* // *Ehtnografiya imyon*. M.: Nauka, 1971. S. 44–53.
14. *Istoriya i kul'tura chukchej: istoriko-ehtnograficheskie ocherki* / *Pod obshh. red. chl.-korr. AN SSSR A.I. Krushanova*. L.: Nauka, 1987. 286 s.
15. Kis' R.YA., Lebedev V.V. *Nekotorye aspekty izucheniya traditsionnogo olenevodstva chukchej* // *Polevye issledovaniya Instituta ehtnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya AN SSSR*. 1978. / *Otv. red. S.I. Vajnshtejn*. M.: Nauka, 1980. S. 120–127.
16. Kulikova I.V. *Leksiko-semanticheskie gruppy nazvanij olenya v chukotskom yazyke* // *Voprosy leksiki i grammatiki yazykov narodov Krajnego Severa SSSR: Sb. statej* / *Otv. red. YU.A. Sem*. L.: Leningradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. A.I. Gertsena, 1983. S. 32–42.
17. Lebedeva ZH.K. *CHukotskij kalendar'* // *Polyarnaya zvezda*. 1984. № 4. S. 94–96.
18. Leonova A.V. *Ehtnobotanicheskie svedeniya o rasteniyakh, upotrebyaemykh v pishhu korennyimi narodami Severa* // *Kraevedcheskie zapiski*. GBUK "Magadanskij oblastnoj kraevedcheskij muzej" / *Otv. red. A.A. Orekhov*. Vyp. 21. SPb.: Kordis, 2019. S. 123–150.
19. Leont'ev V.V. *Samyj sil'nyj, samyj lovkij: o chukot.-ehskim. sport. igrakh*. Magadan: Kn. izd-vo, 1979. 32 s.
20. Leont'ev V.V., Novikova K.A. *Toponimicheskij slovar' Severo-Vostoka SSSR* / *Nauch. red. G.A. Menovshhikov*. Magadan: Kn. izd-vo, 1989. 456 s.
21. Leont'ev V.V. *Ehtnografiya i fol'klor kerekov*. M.: Nauka, 1983. 130 s.
22. Mel'nikova T.V. *"Snezhnye ochki" aborigenov Dal'nego Vostoka Rossii* // *Tikhookeanskaya Rossiya v istorii rossijskoj i vostochnoaziatskikh tsivilizatsij* (Pyatye krushanovskie chteniya, 2006 g.): v 2-kh tomakh. Vladivostok: Dal'nauka. 2008. T. 1. S. 100–104.
23. Menovshhikov G.A. *Dikie rasteniya v ratsione korennykh zhitelej CHukotki* // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1974. № 2. S.92–99.
24. Menovshhikov G.A. *Mestnye nazvaniya na karte CHukotki: Kratkij toponimicheskij slovar'* / *Nauch. red. V.V. Leont'ev*. Magadan: Kn. izd-vo, 1972. 207 s.
25. Mikhajlova E.A. *Mesto traditsij v khozyajstvennoj deyatel'nosti morskikh zveroboev severa Dal'nego Vostoka* // *Kul'turnye traditsii narodov Sibiri* / *Otv. red. CH.M. Taksami*. L.: Nauka, 1986. S. 178–200.
26. *Narody Dal'nego Vostoka SSSR v XVII–XX vv. Istoriiko-ehtnograficheskie ocherki* / *Otv. red. I.S. Gurvich*. M.: Nauka, 1985. 240 s.
27. *Narody Sibiri. Ehtnograficheskie ocherki* / *Pod redaktsiej M.G. Levina, L.P. Potapova*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 1083 s.
28. Podmaskin V.V. *Mifologicheskij slovar': korennyye malochislennyye narody Dal'nego Vostoka Rossii*.

Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 248 s.

29. Podmaskin V.V. Ehtnomeditsina i ehtnodietologiya v istorii i kul'ture narodov Dal'nego Vostoka Rossii (KHXVIII–XX vv.) / Nauch. red. V.L. Larin Vladivostok, 2011. 304 s.

30. Skorik P. YA. CHukotskij yazyk // YAzyki narodov SSSR. Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki: v 5-ti tomakh. L.: Nauka, 1968. T. 5. S. 248–270.

31. Slyunin N.V. Sredi chukchej // Zemlevedenie. M., 1885. Vyp. 4. S. 1–46.

32. Tarasenko D.B. Ehtnograficheskie nablyudeniya N.V. Kirilova na CHukotke i Alyaske (1905 g., po materialam RGIA DV) // Tikhookeanskaya Rossiya v istorii rossijskoj i vostochnoaziatskikh tsivilizatsij (Pyatye krushanovskie chteniya, 2006 g.): v 2-kh tomakh. Vladivostok: Dal'nauka. 2008. T. 1. S. 116–124.

33. KHakhovskaya L.N. Rol' ognivnykh dosok v khozjaystvennoj adaptatsii severo-vostochnykh paleoaziatov // Tikhookeanskaya Rossiya v istorii rossijskoj i vostochnoaziatskikh tsivilizatsij (Pyatye krushanovskie chteniya, 2006 g.): v 2-kh tomakh. Vladivostok: Dal'nauka. 2008. T. 1. S. 104–109.

Владимир Викторович ПОДМАСКИН, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Vladimir V. PODMASKIN, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 18.01.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 14.02.2022

Принята к публикации

(Accepted) 25.02.2022